

Верхнее до и после ENSEMBLE MATHEUS и Майкл Маньячи в Михайловском театре распеваётся Софья Дымова

Жан-Кристоф Спинози

ВИДИМО, в Михайловском собирались по обыкновению устроить нечто буржуазно-наслажденческое, а привезли превосходную программу для знатоков, достойную любого фестиваля ранней музыки. На родине скрипач и его команда, возникшая в середине 1990-х, успешно конкурируют с китами аутентизма, такими как Уильям Кристи или Марк Минковски. Именно Спинози и Ensemble Matheus пригласили в парижский Театр Шатле для участия в театрализованном представлении *Vespro della Beata Vergine* Монтеверди, которое в январе 2009 ставил Олег Кулик. Спинози — и как скрипач, и как дирижер — тяготе-

ет к пламенному аутентизму порой даже несколько забойно-хулиганского свойства; местная публика знакома с подобной манерой по выступлениям итальянского *Il Giardino Armonico* и особенно английского *Red Priest*.

Впрочем, программа, которую Ensemble Matheus везет в Петербург, не особенно располагает к пламенной забойности. Она укладывается в очень распространенный сегодня концертный формат. Даже, пожалуй, в два. Один это барочный вокальный вечер, который отличается от небарочного разве что большей краткостью номеров, поскольку в XVIII веке арии все же писали, как правило, слегка короче, нежели в XIX-м. (А в смысле гедонизма между ними и вовсе нет разницы; это к вопросу, почему Михайловский театр.) Другой фор-

мат — исследование какого-либо феномена, стилевого или тематического, но чаще всего исполнительского.

В данном случае публике музыкально расскажут об искусстве кастратов. Понятно, аутентичности здесь ожидать не приходится, последний представитель традиции Алессандро Морески умер в 1913 году. В наши дни кастратов изображают контратенора — физиологически это поющие фальцетом тенора или баритоны. Однако певец, который выступит с ансамблем Спинози, не контратенор: американец Майкл Маньячи обладает настоящим мужским сопрано. Так получилось, что в юности голос у него не доломался до конца, то есть гортань и связки не выросли до мужских размеров. Говорит Маньячи несколько подростковым тембром, а

поет чем-то средним между женским сопрано и мужским фальцетом. Похоже на пение того же Морески (в начале XX века его успели записать); в самом деле, весьма необычно, но убедительно. Маньячи легко берет верхнее сопрановое «до», и оно у него получается ничуть не натужно; разумеется, этим его вокальные доблести не исчерпываются — американская критика отмечает удивительно чистые и четкие трели или масляное легато в верхнем регистре.

Программа Ensemble Matheus посвящена самому известному кастрату XVIII века, Фаринелли; точнее, единственному из кастратов, известному широкой аудитории, да и то благодаря французскому фильму «Фаринелли-кастрат» (кстати, там его голос синтезировали как раз из сопрано и контратенора). Поэтому Маньячи будет петь бравурные и эффектные, но пустоватые арии Хассе и Порпоры. Впрочем, он умница и интеллектуал и не ограничивает себя барочным репертуаром, что было бы вполне ожидаемо от оперного певца, а выступает в «Каприччио» Рихарда Штрауса и в современных операх. Например, спел партию Ленина в опере англичанина Кристофера Баттерфилда «Цюрих, 1916». Вот бы послушать такого Владимира Ильича, с масляным легато и верхним «до».

Михайловский театр, 23 мая, 19.00

Не стать звездой ЛЕОНИДАС КАВАКОС в МАРИИНКЕ-3 представляет ДМИТРИЙ РЕНАНСКИЙ

прибранный, свежий, статная фигура словно с античной амфоры — придет и все сыграет.

Характеризуя его игру, чаще всего говорят о «глубине экспрессии», делая заметный акцент на слове «глубина». Stradivarius Falmouth в руках Кавакоса звучит насыщен-

ГРЕЧЕСКИЙ СКРИПАЧ Леонидас Кавакос — фаворит Валерия Гергиева. Это многое объясняет. Мариинский худрук ценит тех, на кого можно положиться в авральные условия. Он дважды доверял Кавакосу играть на открытии московского Пасхального фестиваля, возил за собой в турне с Лондонским Симфоническим оркестром. Когда на прошлых «Звездах белых ночей» думали, кого бы нагрузить исполнением труднейшего скрипичного концерта Анри Дютийе, позвали в итоге именно Кавакоса. На него можно рассчитывать: основательный, подтянутый,

но и мужественно, но без нарочитого блеска. За рамки хорошего вкуса не дает выйти внутренний волнорыз, глушащий избыточные эмоциональные наплывы. Со времен побед на ключевых для скрипачей конкурсах Сибелиуса и Паганини в конце 1980-х Кавакос славится безукоризненной техникой; другой бы на его месте не упустил бы возможности поиграть бицепсами, а у Кавакоса каждый выход на сцену или к студийному микрофону опровергает скрипичное виртуозничанье. Он не распыляется на внешние эффекты, накал и страсть загнаны глубоко между строк,

музыка наливается соком изнутри, создается мощное поле притягивающего слух напряжения. Показательны репертуарные предпочтения: сумрачный Сибелиус, сухой и жесткий Хиндемит, умозрительный Изаи. Даже в романтической музыке Кавакос держится чуть отстраненно, четко дозируя выходящую на поверхность эмоцию. Его интеллектуальное и герметичное музицирование привлекает таких же партнеров, поэтому Кавакоса заприиметил и сделал своим артистом снобский лейбл ECM, а оркестр Camerata Salzburg выбрал в главные дирижеры, сделав преемником матерого старинщика Роджера Норрингтона.

Отечественные ангажементы всегда оставались для хорошо идущего на мировом рынке Кавакоса отдельными эпизодами в плотном расписании, где значатся все главные сцены, оркестры и дирижеры от Густаво Дудамеля и Эсы-Пекки Салонена до Ивана Фишера и Кристофа Эшен-

баха. Довольно рано начавший карьеру и сразу выбившийся в высший свет, он умудрился до сих пор не стать звездой. Разумеется, в привычном понимании звездности, которое определяется не столько музыкантскими, сколько коммерческими достижениями. От шумного мирового успеха Кавакоса бережет все та же интровертность, которая мешала в полной мере оценить музыканта в выступлениях с оркестром Мариинского театра. В России Кавакоса знают главным образом по ним, но всякий раз возникало ощущение, будто бы симфонический разгуляй Гергиева отвлекал от чего-то главного. Теперь Кавакоса можно будет расслышать крупным планом и в более подобающем камерном формате — для сольного концерта он подготовил насыщенную программу из трех разноплановых сонат Бетховена, Шостаковича и Рихарда Штрауса.

Концертный зал Мариинского театра, 23 мая, 19.00